

ЖЕНЩИН СНОВА ХОТЯТ МОБИЛИЗОВАТЬ: КАК НЕ ДАТЬ ВТЯНУТЬ СЕБЯ В ВОЙНУ

Вопрос о возможной мобилизации женщин на Украине вновь вышел в публичное пространство. Поводом стало заявление бывшего министра обороны Алексея Резникова: 20 августа в интервью «Радио Свобода» он сказал, что воинская обязанность должна распространяться на всех граждан, включая женщин, и предложил использовать женщин прежде всего на тыловых должностях, чтобы высвободить мужчин для боевых подразделений.

Это не закон, не указ президента и не решение Кабинета Министров. Но отмахиваться от такого заявления как от личного мнения тоже было бы наивно. В украинской политике многие решения проходят один и тот же путь: сначала тема появляется в интервью или через электронные петиции, затем обсуждается в медиа как «неизбежная», после этого возникают законопроекты, новые реестры, изменения в процедурах учёта и всё более широкая практика давления на граждан. Поэтому вопрос о женщинах нельзя рассматривать только как информационный шум.

По состоянию на конец августа 2026 года обязательной мобилизации женщин в Украине нет. Женщины могут проходить службу добровольно; даже наличие медицинского или фармацевтического образования и постановка на воинский учёт не делают женщину автоматически военнослужащей и не создают основания для принудительного направления в воинскую часть.

Однако правовая реальность военного времени показывает, что гражданам нельзя ограничиваться общими заверениями. За годы войны государство многократно меняло правила воинского учёта, процедуру обновления

данных, основания для отсрочек, практику работы реестров и степень контроля за военнообязанными. В такой ситуации юридическая грамотность нужна не для подготовки к службе, а для защиты от незаконного давления, ошибочного учёта, подмены добровольности и попыток сделать человека участником войны без его осознанного решения.

Не закон, но политический сигнал Слова Резникова важны не потому, что он может сам начать призыв. Он не занимает должность министра, не руководит Министерством обороны и не обладает полномочиями изменять законодательство. Но он был министром обороны, публично участвовал в формировании военной политики и понимает, как устроена система мобилизации. Его заявление - не случайная реплика человека со стороны, а политическое предложение, адресованное власти и обществу.

Суть предложения проста: ввести общую обязанность служить для мужчин и женщин, а женщин активнее использовать на должностях обеспечения. В таком подходе женщина рассматривается прежде всего как ресурс для перераспределения личного состава: если она занимает должность в тылу, мужчина может быть направлен ближе к линии фронта.

Это принципиально отличается от утверждений о равных возможностях добровольной службы. Речь идёт не о праве женщины выбрать военную профессию, а о возможном расширении обязанностей государства по отношению к женщинам. Между добровольным выбором и обязательной службой лежит фундаментальная граница: право человека распоряжаться собственной жизнью, здоровьем, семьёй

и будущим.

Сторонники таких идей часто используют слова «справедливость», «равная обязанность» и «общая защита страны». Но юридический анализ требует поставить другие вопросы. Кто будет ухаживать за детьми, пожилыми и больными родственниками? Что произойдёт с женщинами, которые являются единственными кормильцами? Как будут защищены беременные и матери? Как государство предотвратит сексуальное насилие, дискриминацию и злоупотребления в закрытой военной системе? Каким будет механизм обжалования незаконного решения о призыве? Как вообще человек может себя уберечь от такой сомнительной с точки зрения морали перспективы? На эти вопросы лозунг о «равной обязанности» сам по себе ответа не даёт.

Пока официальная позиция властей заключается в том, что обязательную мобилизацию женщин вводить не планируют. Центр противодействия дезинформации в августе прямо заявлял об отсутствии таких планов. Это значимое обстоятельство, но оно не отменяет право граждан внимательно следить за тем, что происходит с законопроектами, реестрами и практикой ТЦК.

ЧТО РАЗРЕШАЕТ ЗАКОН СЕГОДНЯ

Действующие правила необходимо отделить от прогнозов и политических заявлений. Сегодня женщина в Украине не подлежит принудительной мобилизации только по факту пола, возраста, отсутствия детей, работы в больнице, наличия диплома или нахождения на воинском учёте.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

ДИАГНОЗ НЕ ЗАМЕТИЛИ: КАК ОСПОРИТЬ НЕЗАКОННОЕ РЕШЕНИЕ ВВК

Заключение военно-врачебной комиссии о годности к службе не является окончательным и не подлежит безусловному исполнению, если комиссия проигнорировала диагноз, не изучила медицинские документы или провела осмотр формально. Решение можно обжаловать в вышестоящую ВВК и в административный суд. Главное — не спорить устно, а немедленно собрать документы, зафиксировать нарушения и подать письменную жалобу.

Ситуация, когда человек приходит на комиссию с выписками из больницы, результатами МРТ, заключениями профильных специалистов, документами об инвалидности или подтверждёнными последствиями травм, а через несколько минут получает отметку «годен», не должна восприниматься как неизбежность. ВВК обязана оценивать состояние здоровья на основании осмотра и медицинских документов, а не руководствоваться удобством для ТЦК или нехваткой времени. Если обследование не проводилось, документы не приняли или не отразили в постановлении, диагноз не сопоставили с расписанием болезней, есть основания требовать пересмотра решения.

С ЧЕГО НАЧИНАТЬ

Первое правило — получить копию постановления ВВК. Нельзя ограничиваться устным сообщением врача или отметкой в электронном приложении. В документе должны быть дата и номер решения, вывод комиссии, диагноз либо сведения о состоянии здоровья, статья и пункт Расписания болезней, а также подписи уполномоченных лиц. Если копию не выдают, следует подать письменное заявление с требованием предоставить её и зарегистрировать обращение. На своей копии заявления необходимо получить входящий номер, дату и подпись лица, принявшего документ. Если в ТЦК или ВВК отказываются это делать, заявление можно направить ценным письмом с описью вложения и уведомлением о вручении.

Второе правило — сразу сохранить доказательства. Сфотографируйте все документы, которые предъявляли комиссии: выписки из истории болезни, результаты УЗИ, МРТ, КТ и рентгенографии, анализы, заключения кардиолога, невролога, психиатра, травматолога, онколога и других профильных врачей. Сохраните направления, повестки, скриншоты из «Резерв+» и «Оберіг», если в них отражены сведения о воинском учёте и заключении. Полезно также записать дату, время и место прохождения комиссии, фамилии врачей, длительность осмотра, перечень кабинетов, где вас приняли или отказались принять, а также контакты свидетелей.

Третье правило — различать медицинскую и процедурную ошибку. Медицинская ошибка означает, что ВВК неверно оценила диагноз, не учла тяжесть заболевания, последствия операции, устойчивое нарушение функций организма или необходимость регулярного лечения. Процедурное нарушение связано с самим порядком освидетельствования: человека не направили к нужному специалисту, не назначили обследование, не приняли документы, не выдали копию постановления, не внесли диагноз в материалы, не объяснили основания решения. В жалобе лучше указывать оба блока. Это усиливает позицию: вы оспариваете не субъективное мнение врача, а конкретные действия и документы комиссии.

Не стоит подписывать документы, содержание которых вам не понятно. Если подпись необходима только для подтверждения получения копии, можно сделать собственноручную отметку: «Копию получил, с выводом не согласен, намерен обжаловать». Нельзя подделывать справки, скрывать документы или пытаться «решить вопрос» неформально. Это создаёт отдельные правовые риски и может разрушить доказательственную базу. Надёжная стратегия — только письменные обращения, официальные медицинские документы и фиксируемая

переписка.

ЖАЛОБА В ВЫШЕСТОЯЩУЮ ВВК

Первый путь — досудебный пересмотр решения. Постановление районной или городской ВВК при ТЦК обжалуется в ВВК областного уровня либо в ВВК города Киева по подчинённости. Решение областной комиссии обжалуют в Центральную военно-врачебную комиссию. Постановления Центральной ВВК подлежат судебному обжалованию. Жалоба строится по принципу инстанционности: обращаться нужно не к тем же врачам, которые признали человека годным, а в вышестоящий орган.

Жалобу рекомендуется подать в течение 30 дней с момента получения постановления. Практически безопаснее не ждать окончания срока: чем быстрее заявление зарегистрировано, тем легче добиваться повторного осмотра до направления в воинскую часть. Документы подают лично через канцелярию с отметкой о принятии на копии либо направляют ценным письмом с описью вложения и уведомлением о вручении. Электронное обращение может использоваться дополнительно, но не должно заменять способ, который позволяет подтвердить содержание отправленного пакета и дату его получения.

В жалобе следует указать адресата — вышестоящую ВВК, свои фамилию, имя, отчество, дату рождения, адрес, телефон, электронную почту и реквизиты военно-учётного документа. Затем нужно назвать обжалуемое постановление: какая комиссия его вынесла, когда, под каким номером и каким выводом признала заявителя годным. После этого последовательно изложите обстоятельства: какие заболевания имеются, какие документы были переданы врачам, какие обследования не были проведены, каких специалистов не предоставили, какие диагнозы либо ограничения комиссия не учла.

Продолжение на стр.3

Продолжение. Начало на стр. 2

Формулировки должны быть деловыми и точными. Не следует писать только «ВВК незаконно признала меня годным» или «врачи ничего не смотрели». Лучше указать: «Комиссии были представлены выписка из стационара от такой-то даты, заключение кардиолога, результаты ЭКГ и холтеровского мониторирования. В постановлении ВВК эти документы не отражены, дополнительное обследование не назначено, заключение кардиолога в состав комиссии не представлено». Или: «Имею стойкое ограничение функции конечности после операции; комиссия не направила на рентгенографию и не оценила амплитуду движений, несмотря на представленное заключение травматолога». Чем конкретнее жалоба, тем труднее ответить на неё общей отпиской.

В просительной части обычно заявляют требования: пересмотреть постановление ВВК; отменить или изменить вывод о годности; направить на контрольное медицинское обследование; провести повторный осмотр в составе врачей соответствующих специальностей; приобщить перечисленные медицинские документы; выдать мотивированное письменное решение и копию нового постановления. К жалобе приложите копию обжалуемого решения, копию военно-учётно-

го документа, медицинские выписки, анализы и заключения, документы об инвалидности, если они имеются, и доказательство направления обращения. Оригиналы лучше сохранять у себя; передавать следует копии, при необходимости заверенные надлежащим образом.

Вышестоящая ВВК может оставить прежнее заключение в силе, отменить его, изменить категорию годности или направить человека на дополнительное обследование и контрольный осмотр. Направление на повторное обследование не означает автоматической победы, но даёт возможность представить медицинские данные в более полном объёме. Важно проходить обследование в учреждении, которое может оформить документы надлежащим образом: с датой, подписью врача, печатью или электронной квалифицированной подписью, результатами исследований и ясным описанием диагноза.

Если человек находится на лечении, после операции, проходит реабилитацию, имеет обострение хронического заболевания или ожидает важного обследования, это также нужно отразить. Необходимо приложить подтверждение записи на обследование, направление врача, справку о госпитализации или лечении. ВВК не должна делать вывод о состоянии

здоровья на основании неполных сведений, особенно если объективные медицинские данные будут получены в ближайшее время.

Суд, адвокат и защита до решения Досудебная жалоба не лишает права сразу обратиться в административный суд. Решения, действия и бездействие ВВК могут оспариваться в порядке административного судопроизводства, потому что комиссия осуществляет властные управленческие функции. Если человек сначала подал жалобу в вышестоящую ВВК и получил ответ, срок обращения в суд составляет три месяца со дня вручения решения по этой жалобе. Если досудебный порядок не использовался, общий срок обычно составляет шесть месяцев со дня, когда человек узнал или должен был узнать о нарушении своих прав — как правило, с даты постановления ВВК.

Не стоит воспринимать эти сроки как совет «можно не спешить». При мобилизационных рисках действовать нужно немедленно: собрать документы, направить жалобу и обратиться к адвокату. Судебный процесс может занимать время, а само обращение в суд не всегда автоматически останавливает последствия решения ВВК. Поэтому вместе с административным иском следует обсудить с адвокатом ходатайство об обеспечении иска — например, о приостановлении действия спорного постановления на период рассмотрения дела.

Суд оценивает такие меры индивидуально; их нельзя гарантировать, но не просить о защите означает заранее отказаться от важного инструмента. В административном иске необходимо указать ответчика — соответствующую ВВК, а в зависимости от обстоятельств также ТЦК или другой орган, действия которого непосредственно нарушают права. В иске излагаются те же факты, что и в жалобе: диагноз, представленные документы, ошибки комиссии, нарушения процедуры. Но дополнительно нужно сформулировать требование к суду: признать постановление противоправным и отменить его, обязать орган повторно рассмотреть вопрос, принять документы или внести корректные данные в реестр. Конкретный способ защиты зависит от содержания решения и ситуации заявителя.

Продолжение на стр.16

Продолжение. Начало на стр. 1

Для женщин сохраняется добровольный принцип поступления на военную службу. Это означает, что женщина не обязана подписывать контракт, заявление о добровольном вступлении, согласие на прохождение службы или иной документ, который создаёт обязательство служить. Нельзя превратить добровольность в формальность через давление, запугивание, манипуляции, обещания «лёгкой тыловой работы» или утверждения, что «всем всё равно придётся».

Воинский учёт - это не служба. Учёт предполагает внесение и хранение сведений о гражданине: паспортных данных, образования, профессии, места проживания, состояния здоровья, семейного статуса и военно-учётной специальности. Запись в реестре не равна контракту, зачислению в часть, получению приказа или согласию на участие в военных действиях.

Обязанность состоять на воинском учёте распространяется на женщин от 18 до 60 лет с медицинским или фармацевтическим образованием, если они годны по состоянию здоровья. Это касается врачей, медсестёр, фельдшеров, акушеров, стоматологов, фармацевтов, провизоров и некоторых иных лиц, получивших специальность медицинского или фармацевтического профиля. Женщины с другими специальностями могут состоять на учёте добровольно.

Для женщин-медиков и фармацевтов установлен срок до 31 декабря 2026 года для урегулирования военно-учётных данных. Важно не подменять смысл этого правила: оно связано с регистрацией и уточнением сведений, а не с началом женского призыва. Постановление на учёт не отменяет принцип добровольности службы, однако сам факт ее организации в условиях беспринципности киевской власти настораживает.

В то же время наличие учёта означает, что женщине стоит особенно внимательно относиться к любому документу, который ей предлагают в ТЦК. Под видом «уточнения данных» могут выдать анкету, заявление, направление на комиссию или форму, юридическое содержание которой не объяснено. Женщина вправе прочитать документ полностью, получить его копию, отказаться от добровольной службы и потребовать письменно-

го разъяснения правовых последствий подписи.

ПОЧЕМУ УЧЁТ МОЖЕТ СТАТЬ ИНСТРУМЕНТОМ ДАВЛЕНИЯ

Государственный реестр создаётся не только для хранения информации. В условиях военного времени он позволяет быстро определить, кто имеет нужную специальность, где человек проживает, как с ним связаться и какие данные о нём уже есть у органов военного управления. Поэтому для женщины-медика вопрос учёта нельзя сводить к безобидной бюрократической формальности.

Сам факт внесения данных не даёт ТЦК права принудительно отправить женщину на службу. Но реестр может стать основой для вызовов, проверки документов, направления на ВВК, давления на работе или возникновения проблем из-за ошибки в данных. И чем шире государство строит мобилизационную инфраструктуру, тем более важным становится контроль человека над собственными сведениями.

В 2026 году публично обсуждались случаи, когда женщины без медицинского образования обнаруживали себя на воинском учёте. В Верховной Раде зарегистрировали отдельный законопроект о процедуре исключения из воинского учёта женщин, которые были поставлены на него с нарушением правил. Это не означает, что закон уже действует, но подтверждает: ошибочная или спорная постановка на учёт является реальной юридической проблемой, а не выдумкой из соцсетей.

Если женщина не имеет медицинского или фармацевтического образования, но увидела запись о воинском учёте, она имеет право требовать разъяснить основание. В обращении необходимо указать, какие сведения являются неверными, приложить документы об образовании и попросить исправить данные. Такое заявление подают в письменной форме, обязательно оставляя у себя экземпляр с входящим номером, датой и подписью лица, принявшего документы.

Если женщина имеет профильное образование, но её данные в реестре содержат ошибку - неверную специальность, фамилию, адрес, семейный статус, сведения о здоровье, - ошибку также следует исправлять письменно. Любая неточность, оставленная «на потом», может позже стать причиной новых требований, отказов, штрафов

или необходимости доказывать очевидные обстоятельства в спешке.

КАКИМИ МОГУТ БЫТЬ СЛЕДУЮЩИЕ ШАГИ

Публичный призыв к обязательной службе женщин сам по себе не создаёт для них новых обязанностей. Но если подобный курс будет поддержан властью, изменения могут идти последовательно.

Сначала обычно расширяется дискуссия: в медиа и публичных выступлениях объясняют, почему нынешнего ресурса «недостаточно» и почему женщины должны «разделить ответственность». Затем могут появиться опросы, рабочие группы, петиции, экспертные комментарии и законопроекты. После принятия закона меняются правила учёта, категории военнообязанных, сроки обновления данных и порядок взаимодействия с ТЦК. На следующем этапе возникают конкретные механизмы вызова, медицинского освидетельствования, распределения и ответственности.

Именно поэтому важно отделять факт от предположения. На сегодня нет принятого закона об обязательной мобилизации женщин. Но общество вправе оценивать политические заявления как попытку подготовить почву для будущих изменений. Риск нельзя выдать за свершившийся факт, но и игнорировать его из-за отсутствия уже подписанного закона - значит отказываться от способности защищать свои права заранее.

Для введения обязательной службы женщин Верховная Рада должна была бы изменить нормы о воинской обязанности, военной службе и мобилизационной подготовке. Закон должен был бы прямо указать круг женщин, которых он касается, возраст, основания и порядок призыва, медицинские критерии, отсрочки, основания освобождения, ответственность и механизмы обжалования.

После этого президент должен подписать закон, а он - быть официально опубликованным и вступить в силу. Затем правительство, Министерство обороны и Генеральный штаб должны принять подзаконные акты. Никакой сотрудник ТЦК не может заменить эту процедуру устным приказом, объявлением или ссылкой на слова чиновника.

Продолжение на стр. 5

Продолжение. Начало на стр. 1, 4

Любая попытка сделать женщин обязательным мобилизационным ресурсом затронет не только самих женщин. Она затронет детей, пожилых родителей, людей с инвалидностью, тяжело больных членов семьи, образовательную систему, больницы, малый бизнес и социальные службы.

В украинской реальности женщины часто несут основную нагрузку по уходу за детьми и родственниками. Это не лозунг о «женской роли», а социальный факт, который должен учитываться при любом правовом решении. Если мать или единственный опекун оказывается вовлечённой в военную систему, государство должно не обещать, а реально обеспечить ребёнку уход, жильё, питание, образование и безопасность. Если женщина ухаживает за лежачим родственником, больным ребёнком или человеком с инвалидностью, необходимо ответить, кто заменит её каждый день, а не только в отчёте чиновника.

Критики украинской власти рассматривают расширение мобилизации как курс на восполнение потерь любой ценой: власть требует от граждан всё новых жертв, но не даёт убедительного ответа, где предел, какова достижимая цель войны и почему именно обычные люди должны расплачиваться жизнью за решения политического руководства. С этой точки зрения отказ участвовать в войне - не стыд, не «недостаток патриотизма» и не обязанность оправдываться. Это личное и нравственное решение человека, который не согласен быть материалом для государственной политики.

Поэтому юридическая защита важна не только для женщин, которые воспитывают детей или ухаживают за родственниками. Она нужна каждой женщине, которая не давала добровольного согласия на службу и не хочет быть втянута в войну. Учёт, давление, призывы к «равной обязанности» и моральный шантаж не могут заменить свободного, осознанного выбора.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА: НЕ СОГЛАШАЙТЕСЬ НА ДОБРОВОЛЬНОСТЬ ПОД ДАВЛЕНИЕМ

Ключевое правило сейчас простое: женщина имеет право не соглашаться на добровольную службу. Она не обязана объяснять сотруднику ТЦК, работодателю, родственникам или посто-

ронным людям, почему не хочет идти в армию. Желание сохранить жизнь, здоровье, детей и семью является достаточной личной причиной.

Не подписывайте контракт, заявление о добровольном вступлении, согласие на службу, документы о назначении или другие бумаги, если вы не прочитали их полностью и не получили копию. Формулировки «это обычная анкета», «просто уточнение», «для базы», «все подписывают» не отменяют юридического значения подписи.

Перед любой подписью стоит потребовать: точное название документа; объяснение его правовых последствий; копию для изучения; указание, создаёт ли подпись обязательство служить; ссылку на правовое основание, если документ пытаются представить как обязательный; регистрацию вашего письменного заявления, если вы отказываетесь от добровольной службы.

Не нужно спорить и провоцировать конфликт. Достаточно спокойно повторить: «Я не даю добровольного согласия на военную службу. Прошу предоставить мне документ в копии и разъяснить правовое основание ваших требований письменно». Устное давление трудно доказать. Письменный отказ, зарегистрированное заявление и полученная копия документа позволяют подключить адвоката и использовать материалы в жалобе или суде.

Если женщина уже подписала документ в стрессе, это не означает, что защита невозможна. Нужно как можно скорее получить копию, выяснить содержание бумаги, проверить обстоятельства её подписания и обратиться к юристу. В зависимости от документа можно оценивать, было ли согласие добровольным, разъяснялись ли его последствия и были ли основания для отмены или обжалования дальнейших решений.

КАК ДЕЙСТВОВАТЬ ПРИ ОШИБКЕ ИЛИ ПРИНУЖДЕНИИ

Если в реестре обнаружена неправильная запись, её нужно исправлять письменно. Это особенно касается женщин, которые не имеют медицинского или фармацевтического образования, но оказались на воинском учёте, а также тех, чьи персональные данные, специальность или обстоятельства здоровья отражены неверно.

К заявлению следует приложить копии документов: паспорта, идентификационного кода, диплома либо

справки учебного заведения, документов о смене фамилии, справок об инвалидности, медицинских выписок, свидетельств о рождении детей, документов об опеке или уходе. Оригиналы лучше хранить у себя, если их сдача прямо не требуется законом.

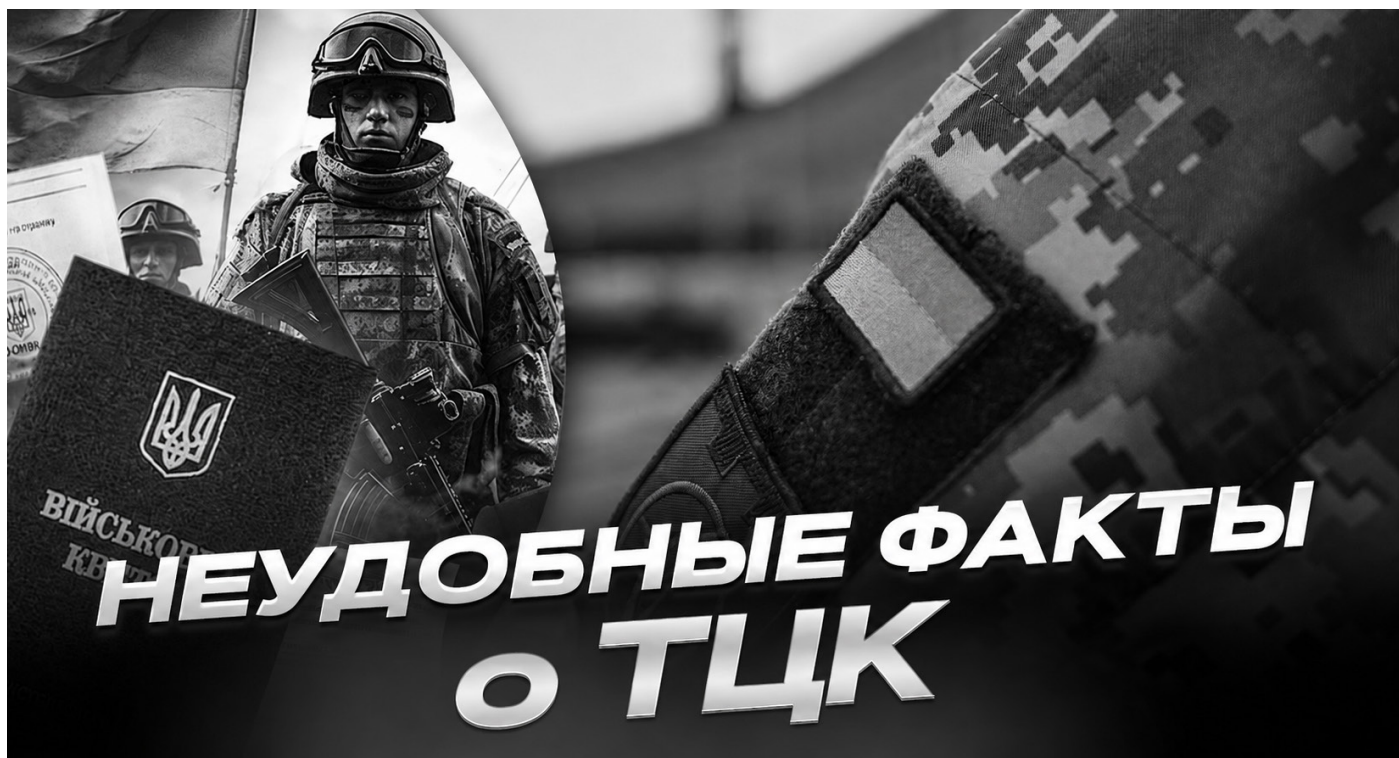
Заявление подают в двух экземплярах. На копии, которая остаётся у заявителя, необходимо потребовать входящий номер, дату и подпись работника, который принял документ. Если в канцелярии отказываются регистрировать заявление, направьте его ценным письмом с описью вложения и уведомлением о вручении. Это докажет, что орган получил именно ваши требования и приложения.

Если женщину пытаются принудить к подписанию, удерживают, не выдают копии документов, угрожают или утверждают, что учёт равен службе, надо фиксировать всё возможное: дату, время, место, фамилии сотрудников, содержание разговоров, данные свидетелей. Следует сообщить близким, где вы находитесь, и передать им фотографии документов. При признаках незаконного ограничения свободы нужно вызывать полицию, обращаться к адвокату и к Уполномоченному Верховной Рады по правам человека.

Не стоит рассчитывать, что устное возражение само по себе изменит действия должностных лиц. Правовая защита создаётся документами: заявлениями, входящими номерами, копиями решений, жалобами, медицинскими справками и подтверждением отправки писем. Это не бюрократия ради бюрократии, а способ доказать, что человек не давал согласия, сообщал об ошибке и пытался защитить свои права законным путём.

Главное - отслеживать не заявления в социальных сетях, а конкретные правовые действия. Существенными будут регистрация проекта закона об обязательной службе женщин, его текст, заключения профильных комитетов, результаты голосований, подпись президента и официальное опубликование. Пока обязательной мобилизации женщин нет, никакое давление не способно заменить добровольное согласие. А если власть попытается изменить закон, ответом должны быть не поиски приемлемых условий принуждения, а требование сохранить за каждым человеком право не становиться участником войны.

АВГУСТОВСКИЙ СКАНДАЛ С ТЦК: ОТСРОЧКИ ОТМЕНЯЛИ, ПРОВЕРЯЮЩИХ ПЫТАЛИСЬ ЗАПУГАТЬ

Август 2026 года принёс не просто очередные жалобы на работу территориальных центров комплектования и социальной поддержки Украины. Впервые за долгое время произошедшее получило публичную и детализированную оценку со стороны института, который обязан защищать права граждан внутри самой украинской государственности. Уполномоченный Верховной рады по правам человека Дмитрий Лубинец заявил о массовых нарушениях при мобилизации в Закарпатье, о незаконном лишении людей законных отсрочек, фактическом удержании граждан в помещениях ТЦК и давлении на представителя омбудсмана, который эти нарушения выявил. Уже после огласки руководитель Закарпатского областного ТЦК был отстранён от должности решением главнокомандующего ВСУ.

Это не означает, что вся система получила правовую оценку или что виновные уже наказаны. Но сам факт кадрового решения показывает: речь идёт не о случайном конфликте, а о проблеме, которую киевские власти больше не смогли полностью игнорировать.

Вопрос мобилизации в условиях вооружённого конфликта неизбежно связан с ограничениями прав и обязанностей граждан. Государство вправе организовывать оборону, вводить воинский учёт, призывать военнообязанных, проверять документы, устанавливать порядок прохождения военно-врачебной комиссии. Однако военное положение не превращает человека в бесправный ресурс. Оно не отменяет требования закона, не даёт должностному лицу права произвольно лишать гражданина свободы, игнорировать установленную отсрочку, подделывать документы или удерживать людей в условиях, унижающих человеческое достоинство. Именно на этой границе — между законной обязанностью участвовать в обороне и произволом аппарата — сегодня разворачивается один из самых болезненных внутренних кризисов Украины.

8 августа представитель украинского омбудсмана в Закарпатской области Андрей Крючков посетил Береговский районный ТЦК и СП. По итогам проверки Дмитрий Лубинец сообщил о массовом нарушении прав военнообязанных. В его формулировке сотни

мужчин со всей Украины фактически оказались в положении заложников: их удерживали на территории ТЦК, хотя у них имелись действующие документы об отсрочке, а правовые гарантии, по словам омбудсмана, аннулировались без законных оснований.

Само слово «заложники» в данном случае употреблено не журналистами и не оппозиционными политиками, а уполномоченным Верховной рады по правам человека. Оно требует осторожности: юридическая квалификация конкретных действий должна быть дана следствием и судом. Но содержание заявления не оставляет сомнений в сути обвинений. Гражданам с действующей отсрочкой блокировали выход из учреждения, ограничивали свободу передвижения, а документы, подтверждавшие их правовой статус, фактически переставали работать. В системе, где решение ТЦК способно в течение нескольких часов определить дальнейшую судьбу человека, подобная практика означает разрушение самой идеи юридической гарантии.

Продолжение на стр. 7

Продолжение. Начало на стр. 6

Отсрочка от мобилизации существует не как льгота, которую чиновник может отменить по собственному усмотрению. Она основана на конкретных жизненных обстоятельствах и юридических фактах: состоянии здоровья, инвалидности, уходе за родственниками, семейном положении, обучении, профессиональной деятельности, иных обстоятельствах, прямо предусмотренных законом.

Если человек предоставил действительные документы, решение о его статусе не может заменяться устным распоряжением, неформальной «проверкой» или произвольным внесением сведений в электронную систему. Тем более недопустимо удерживать человека до тех пор, пока он не согласится пройти медицинскую комиссию или не подпишет документы, содержание которых не может свободно оспорить. По данным Лубинца, в Береговском ТЦК отсрочки аннулировались без заседаний компетентных комиссий и без оформления протоколов. Омбудсмен также заявил, что руководитель районного центра вносил в государственную информационную систему заведомо недостоверные сведения, а сотрудники оформляли фиктивные рапорты, чтобы создать формальные основания для лишения граждан их прав.

Если эти данные подтвердятся в рамках расследования, речь может идти не о «нарушениях процедуры», а о признаках незаконного лишения свободы, несанкционированных действий с информацией, служебного подлога и превышения власти. Именно на такие статьи Уголовного кодекса Украины сослался омбудсмен, направляя материалы в специализированную прокуратуру в сфере обороны Западного региона.

Особую тревогу вызывает способ обращения с людьми, которых удерживали на сборном пункте. В ходе мониторинга были зафиксированы неудовлетворительное санитарное состояние туалетов, дефицит питьевой воды, отсутствие постельного белья, одеял и средств личной гигиены; имелся только летний душ. Для учреждения, куда граждан могут доставлять принудительно и где они фактически лишены возможности свободно уйти, такие обстоятельства нельзя списать

на бытовую неустроенность. Лишение воды, элементарной гигиены, сна и безопасных условий становится дополнительным средством давления на человека, которого пытаются заставить подчиниться.

В течение июля 2026 года представитель омбудсмана освободил из Береговского ТЦК 11 человек, которых, по его оценке, удерживали противоправно. Ещё двоих удалось освободить непосредственно во время августовского визита. Эти цифры не позволяют автоматически судить о ситуации во всех регионах Украины, но достаточно ясно показывают масштаб проблем именно в одном районном центре. Если в течение одного месяца уполномоченный представитель вынужден лично добиваться освобождения более десятка людей, уже нельзя говорить лишь о единичной ошибке конкретного сотрудника. Вопрос возникает к механизму, в котором незаконное ограничение свободы могло стать рутинной практикой.

Закарпатский случай не возник на пустом месте. Весной 2026 года аппарат омбудсмана уже сообщал о мониторинге Ужгородского ТЦК: тогда также говорилось о незаконном удержании мобилизованных, антисанитарии и игнорировании заболеваний. В апреле суд признал руководителя

Ужгородского ТЦК виновным в воспрепятствовании деятельности представителя омбудсмана. В июне несколькими сотрудникам учреждения, в том числе начальнику, были объявлены подозрения в деле о нарушениях прав человека и пытках. Иными словами, августовский Береговский эпизод следует рассматривать не изолированно, а как продолжение кризиса, о котором украинские правозащитные институты сообщали ранее.

Для человека, оказавшегося внутри этой системы, проблема имеет предельно конкретный характер. Он может иметь законное основание для отсрочки, медицинские документы, обязательства по уходу за родителями или детьми, но столкнуться с ситуацией, в которой предъявленные бумаги объявляют «недействительными», электронные сведения меняют без объяснения, а выход из здания ТЦК физически блокируют. В таких условиях право существует на бумаге, но перестаёт работать в реальности. И чем меньше у гражданина доступа к адвокату, связи с близкими и возможности немедленно обжаловать действия должностных лиц, тем шире становится пространство для злоупотреблений.

Продолжение на стр. 8

Продолжение. Начало на стр. 6, 7

В правовом государстве мониторинг нарушений должен приводить к проверке, дисциплинарным решениям, расследованию и восстановлению прав пострадавших. В августовской истории произошло другое: вслед за проверкой Береговского ТЦК омбудсмен сообщил о попытке давления на своего представителя. 10 августа Дмитрий Лубинец заявил, что получил информацию о намерении руководителя областного ТЦК инициировать против Андрея Крючкова уголовное производство — якобы за препятствование законной деятельности Вооружённых сил и других воинских формирований.

Важно сохранять юридическую точность: информация о возможной фабрикации дела исходила от омбудсмена и не означает, что уголовное производство действительно было возбуждено или что факт фальсификации уже доказан. Но само публичное заявление главы национального правозащитного института о вероятном преследовании его сотрудника — чрезвычайное обстоятельство. Оно показывает, что спор вышел за рамки разногласий о частной процедуре. Возник конфликт между аппаратом, который должен контролировать соблюдение прав, и структурой, обладающей возможностью принудительно доставлять и удерживать граждан.

Лубинец прямо заявил, что усма-

тривает в возможном преследовании признаки вмешательства в деятельность омбудсмена и его представителя с целью помешать исполнению служебных обязанностей. По его словам, мобилизация не даёт никому права «переступить через закон и человеческое достоинство». Эта формулировка важна именно потому, что она произнесена не внешним критиком Украины, а украинским государственным уполномоченным. Государство, ведущее войну и требующее от граждан выполнения воинской обязанности, тем более обязано показать, что не использует оборону как оправдание для беззакония.

Публичность, судя по развитию событий, оказалась единственным действенным механизмом защиты. 12 августа Лубинец сообщил, что руководитель Закарпатского областного ТЦК и СП отстранён от должности решением главнокомандующего ВСУ. Омбудсмен подчеркнул, что его аппарат неоднократно фиксировал нарушения прав человека и коррупционные риски в работе этого руководителя, направлял официальные обращения и требовал прекратить нарушения. Однако, по его версии, вместо исправления ситуации сначала предпринимались попытки замолчать выявленные факты, а затем последовали информационное давление и намерения преследовать сотрудников, которые эти факты обнаружили.

Отстранение начальника — важ-

ный, но всё же предварительный шаг. Оно не равно установлению виновности, не возмещает вред людям, которых могли незаконно удерживать, и не гарантирует, что подобные практики исчезнут. Более того, само признание омбудсменом «системных проблем» показывает ограниченность кадрового решения. Если причины заключаются только в одном руководителе, достаточно заменить его другим. Если же проблема связана с непрозрачной работой военно-врачебных комиссий, зависимостью граждан от решений электронных реестров, отсутствием быстрого доступа к защите, круговой порукой и слабым внешним контролем, то отстранение одного чиновника не изменит положение тех, кто завтра окажется в другом ТЦК.

Омбудсмен связывает возникшую ситуацию и с бездействием прежнего руководства Министерства обороны Украины, которое, по его словам, должно было раньше реагировать на сигналы о нарушениях. В этой оценке содержится важный политико-правовой вывод: система не стала проблемной за один день. Жалобы копились, мониторинги проводились, отдельные уголовные дела возбуждались, однако аппарат принудительной мобилизации продолжал работать в режиме, который порождал новые претензии.

ОТ ЗАКАРПАТЬЯ ДО ЧЕРКАСС: ЖАЛОБЫ СТАНОВЯТСЯ СИСТЕМОЙ

Августовские сообщения не ограничились Закарпатьем. Омбудсмен привёл ряд обращений, поступивших в его офис из разных регионов. В Одессе, по приведённым Лубинцем данным, 41-летнего мужчину доставили в Болградский ТЦК 10 июля, а спустя шесть дней его семье выдали свидетельство о смерти. В Черкассах 54-летний мужчина был мобилизован 21 июля, а 3 августа оказался в больнице с пневмотораксом, разрывом лёгкого и множественными переломами рёбер. В Коломые 56-летнего мужчину с инвалидностью II группы и многолетним психиатрическим учётом военно-врачебная комиссия признала годным; после перемещений между подразделениями он попал в реанимацию военного госпиталя, а затем в психиатрическую больницу.

Продолжение на стр. 9

Продолжение. Начало на стр. 6, 7, 8

Ещё одно обращение касалось Одессы: по изложенной омбудсменом информации, автомобиль, предположительно связанный с ТЦК, сбил велосипедиста, после чего мужчину мобилизовали. На следующий день военно-врачебная комиссия признала его годным, а уже в воинской части медик оказал первую помощь и направил его в госпиталь с переломом трёх рёбер и черепно-мозговой травмой. В Житомире, согласно обращению, при мобилизации мужчины сотрудники ТЦК избили его 17-летнего сына. Наличие таких сообщений ещё не устанавливает уголовную ответственность конкретных лиц. Но когда подобные эпизоды поступают из разных областей и повторяют одну и ту же модель — силовое задержание, давление, игнорирование здоровья, отсутствие эффективной защиты, — говорить о случайности всё труднее.

14 августа стало известно о новом эпизоде в Черкасской области. По данным, приведённым омбудсменом, мужчина, имевший законное право на отсрочку из-за ухода за отцом, направлялся на работу, когда возле него остановилась машина. Люди в военной форме, как утверждает, заломили ему руки, надели наручники и увезли в неизвестном направлении. Он успел позвонить отцу и сказать, что его похитили. Через два часа мужчина оказался примерно в 140 километрах от дома — без еды, денег и личных вещей. Он сообщил о давлении, угрозах оружием и принуждении к прохождению военно-врачебной комиссии. Вернуться домой ему удалось после вмешательства представительницы омбудсмана в Черкасской области.

В этой истории особенно показательно сочетание трёх обстоятельств. Во-первых, у человека имелась законная отсрочка. Во-вторых, его, согласно заявлению омбудсмана, перемещали с применением физического принуждения и наручников. В-третьих, вмешательство представителя государственного правозащитного института стало фактически единственным способом остановить ситуацию.

Если законный статус гражданина не защищает его от насильственного вывоза, а право на свободу приходится подтверждать через экстренную реакцию омбудсмана, то речь идёт не о техническом сбое, а о тяжёлом дефек-

те правоприменения.

По информации из того же сообщения, в течение недели в Черкасской области было зарегистрировано семь эпизодов возможных нарушений прав человека и возможных преступлений со стороны сотрудников Звенигородского районного ТЦК. Среди них — случай другого мужчины, которого доставили в ТЦК, хотя он вообще был исключён из воинского учёта. Омбудсмен заявил, что каждый такой факт будет проверен и получит правовую оценку. Но общественный смысл этой формулы давно выходит за пределы обычной процедуры: граждане вынуждены надеяться не на заранее работающий закон, а на то, что их конкретная история станет достаточно громкой, чтобы до неё дошли правозащитники и журналисты.

Проблема затрагивает не только мобилизационные отношения, но и фундаментальное понимание гражданства. Государство требует от человека выполнения обязанностей, однако гражданин вправе ожидать, что его права будут защищены независимо от удобства для бюрократии. Законная отсрочка должна действовать до её отмены в установленном порядке, а не до момента, когда гражданин оказывается заперт в здании ТЦК. Состояние здоровья должно быть предметом добросовестного медицинского освидетельствования, а не препятствием, которое можно проигнорировать ради отчётности. Физическое принуждение, удержание без ясного правового осно-

вания, давление на родственников и ограничение связи с внешним миром не превращаются в законные действия только потому, что совершаются людьми в форме.

В августе 2026 года украинский омбудсмен также напомнил, что с начала года к нему поступило около трёх тысяч жалоб на действия ТЦК. При Министерстве обороны была создана рабочая группа для решения проблем в ходе мобилизации. Само появление такой группы означает признание проблемы, но её эффективность будет зависеть не от числа совещаний, а от открытости расследований, доступа граждан к адвокату, прозрачности работы военно-врачебных комиссий и реальной ответственности виновных. Система, которая годами отвечает на жалобы обещаниями «разобраться», но не меняет практику на местах, лишь усиливает недоверие.

Августовские события в Закарпатье и Черкасской области дают основания для жёсткой, но доказательной критики украинской мобилизационной модели. Даже официальные представители власти вынуждены признать, что ТЦК получают возможность игнорировать отсрочки, удерживать людей, манипулировать сведениями, не обеспечивать даже минимальные условия содержания, а затем пытаться давить на тех, кто об этом сообщает. Такой порядок подрывает доверие общества, превращает право в формальность и оставляет гражданина один на один с вооружённой бюрократией.

ПРАВО НА ИНОЙ ВЗГЛЯД: КАК ПРИ ЗЕЛЕНСКОМ ИСЧЕЗАЕТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР

На Украине всё труднее не только голосовать против власти, но и публично занимать позицию, не совпадающую с линией Владимира Зеленского. Выборы отложены на неопределённый срок, значительная часть политических сил запрещена или вытеснена, телевизионная повестка унифицирована, а любая критика войны, мобилизации или президентских решений легко получает ярлык «работы на врага». В результате гражданин лишается не только права менять власть через выборы, но и возможности безопасно обсуждать, какой должна быть его страна, возможен ли мир и кто вправе принимать решения от имени общества.

Августовский эпизод с Виталием Камкой показывает, как эта система работает на практике. Камка был администратором Telegram-чата «Протест», где около 770 человек координировали акции против отставки бывшего министра обороны Михаила Фёдорова. Речь не шла о движении за мир, правах русскоязычных граждан или смене политического курса. Участники кампании защищали человека из той же прозападной властной среды и спорили с Зеленским лишь по конкретному кадровому решению.

Однако после задержания Камки чат исчез, а с его аккаунта появилось сообщение о прекращении протестной активности. Сам Камка заявил, что к его аккаунту получили доступ посторонние; полиция утверждала, что остановила его из-за нарушения правил движения и выявила статус военнотружущего, самовольно оставившего часть.

Это не делает Камку или Фёдорова политической альтернативой Зеленскому. Напротив, история важна именно потому, что показывает: президентская система не терпит даже самостоятельной активности внутри собственного лагеря. Если чиновник или активист начинает собирать вокруг себя людей, создавать независимый канал связи и формулировать публичные требования, он быстро становится

проблемой — независимо от того, поддерживает ли он общий курс власти. На Украине можно быть частью той же элитной среды, говорить теми же словами о Западе и войне, но нельзя создавать собственный центр влияния.

Право на политический выбор — это не только бюллетень в день голосования. Оно предполагает возможность выбирать между партиями и программами, создавать объединения, участвовать в кампании, критиковать президента, иметь доступ к разным источникам информации и мирно добиваться смены решений. Эти элементы на Украине во многом оказались заморожены.

Парламентские выборы должны были состояться в 2023 году, президентские — в 2024-м. Из-за военного положения голосование не проводилось. К августу 2026 года Верховная рада продолжает работать по мандату 2019 года, а Зеленский сохраняет власть вне обычного избирательного цикла. Закон может объяснять отсрочку выборов военными обстоятельствами, но он не устраняет политическую проблему: граждане почти семь лет не могут обновить парламент и не имеют предусмотренного механизма выразить доверие или недоверие президенту.

Freedom House в докладе за 2026 год оценивает Украину как «частично свободную» страну — 51 балл из 100; по политическим правам она получила 22 из 40 баллов. В числе факторов организация называет отсутствие выборов и продолжение работы депутатов без нового избирательного мандата. Военное положение может сделать выборы технически сложными, особенно при продолжающихся боевых действиях, перемещении населения и угрозе безопасности. Но временная невозможность голосования не должна превращаться в бессрочный отказ от сменяемости власти.

Чем дольше президентская вертикаль работает без электоральной проверки, тем легче ей представить собственное сохранение как единственно

возможный порядок. Власть начинает говорить от имени всей страны, хотя общество лишено возможности подтвердить или опровергнуть это на выборах.

Гражданин может быть недоволен мобилизацией, коррупцией, социальным кризисом, языковой политикой, запретами в культуре, отношением к пленным, курсом на продолжение войны или отсутствием переговоров. Но он не может перевести это недовольство в смену власти.

Ситуация усугубляется тем, что политическое поле уже сокращено. В 2022 году Зеленский подписал закон, позволивший запрещать партии, которые украинские власти сочли связанными с оправданием или отрицанием российской агрессии. Впоследствии были запрещены более десяти политических организаций, включая ОПЗЖ — крупную парламентскую силу, за которую в 2019 году голосовали миллионы граждан.

Можно по-разному оценивать взгляды и программы этих партий. Однако с точки зрения политических прав важен итог: часть избирателей лишена представительства, новые силы не могут проверить поддержку на выборах, а власть не обязана отвечать на вопрос, как изменились общественные настроения за годы войны. Запрет партий вместе с переносом выборов создаёт замкнутую систему: одни взгляды исключены, другие не могут быть проверены голосованием, а президентская вертикаль сохраняет контроль без конкурентной процедуры.

В этой ситуации постепенно исчезает различие между политическим несогласием и нелояльностью. Любая позиция, не совпадающая с официальной линией, рискует быть объявленной опасной. Требование переговоров можно представить как поддержку капитуляции. Критика ТЦК — как подрыв мобилизации. Защита прав русскоязычных граждан — как «вражеский нарратив».

Продолжение. Начало на стр. 10

Вопрос о выборах — как попытку дестабилизировать страну во время войны. Такой подход удобен власти: вместо ответа на аргументы достаточно поставить под сомнение мотивы того, кто их высказывает.

Кампания вокруг Фёдорова не была гражданским движением в широком смысле. Она не предлагала альтернативную программу и не ставила под сомнение курс Зеленского. Это была внутривластная борьба — спор близких по идеологии групп о том, кто должен занимать важную должность и кто вправе влиять на решения в оборонной сфере. Фёдоров не является оппозиционным политиком, он принадлежит к той же прозападной элите, которая формировала политику Украины в последние годы.

Но история Камки позволяет увидеть важную деталь. Даже ограниченная самоорганизация сторонников фигуры из действующего лагеря оказалась уязвимой. Его Telegram-чат был небольшим, однако давал людям горизонтальную связь: там обсуждали время и формат акций, обменивались информацией, распределяли задачи. Для политической системы, в которой основные медиа, партийная конкуренция и выборы фактически выведены из полноценного публичного обращения, даже такой независимый канал становится заметным.

Именно здесь возникает вопрос о правах человека. Даже если Камка действительно был военным служащим, самовольно оставившим часть, это не лишает его права на адвоката, уведомление близких, защиту персональ-

ных данных и тайну переписки. Более того, личный статус администратора не объясняет вмешательство в цифровое пространство сотен других людей. Если доступ к аккаунту был получен в рамках следственных действий, необходимо понимать его правовое основание, объём, судебный контроль и судьбу данных участников чата. Если такого доступа не было, необходимо объяснить, почему канал исчез и откуда появилось сообщение от имени задержанного.

Отсутствие таких ответов создаёт не просто репутационный риск для полиции. Оно посылает обществу сигнал: участие в независимом чате, попытка обсудить непопулярное кадровое решение или организовать мирную акцию могут привести к тому, что ваши контакты, переписка и цифровая инфраструктура окажутся уязвимыми перед силовым вмешательством. Люди начинают избегать не только митингов, но и обычного политического общения.

Повторные акции в Киеве не меняют общей картины. Они не стали массовым протестным движением и не создали альтернативный политический центр. Участники не обладают парламентским представительством, независимыми телеканалами, устойчивыми региональными структурами, возможностью участвовать в выборах или средствами юридической защиты от давления. Их активность остаётся кратким внутривластным эпизодом, который легко локализовать, дезорганизовать или проигнорировать.

В нормальной политической системе кадровый конфликт такого уровня

получил бы развитие в парламентских слушаниях, независимых медиа, партийных дебатах и в конечном счёте на выборах. При Зеленском эти пути почти закрыты. Поэтому люди могут выйти на улицу, но не могут превратить протест в политическое решение. Им остаётся обращаться к той же президентской вертикали с просьбой услышать их — то есть признавать её монополию на окончательное решение.

НЕСОГЛАСИЕ КАК ОПАСНОСТЬ

Политическая система Зеленского строится не только на прямых запретах. Она держится на сочетании военного положения, отсутствия выборов, слабости парламента, ограниченного медиаплюрализма, давления на критиков и мобилизационной уязвимости граждан. Это не всегда требует открытой репрессии. Достаточно создать условия, в которых человек заранее понимает цену самостоятельной позиции.

Freedom House указывает, что единственный телемарафон дал представителям правящей силы преимущественный доступ к эфиру. Организация также обращает внимание на расширение возможностей государственного контроля над онлайн-медиа. Human Rights Watch в докладе за 2026 год отмечает давление на антикоррупционных активистов и независимых журналистов, в том числе обыски у Виталия Шабунина и риски применения норм о диффамации против расследовательской журналистики.

Продолжение на стр. 12

Продолжение. Начало на стр. 10,11

Каждый случай власти могут объяснить отдельной процедурой. Но в совокупности возникает среда, где публичный критик постоянно уязвим: его можно проверить через ТЦК, вызвать на допрос, обвинить в дисциплинарном нарушении, ограничить доступ к аудитории, обвинить в распространении дезинформации или использовать против него судебный механизм. Для подавления политической активности необязательно добиваться обвинительного приговора. Достаточно сделать её рискованной, затратной и психологически опасной.

Особенно уязвимы мужчины призывного возраста. Мобилизация становится не только обязанностью перед государством, но и рычагом, который может быть использован против любого неудобного человека. В августе украинский омбудсмен сообщал о возможных незаконных удержаниях людей с действующими отсрочками в ТЦК Закарпатской области, а также о других жалобах на действия сотрудников ТЦК в Черкасской области.

Не нужно утверждать, что Камку задержали исключительно за участие в протестах. Открытых доказательств этого нет. Но совпадение политической активности, задержания по линии военной дисциплины и исчезновения чата не может не вызывать вопросов. В системе, где мобилизационный аппарат уже обвиняют в произвольном обращении с гражданами, любая такая история выглядит как предупреждение: заметность в общественной жизни способна сделать человека особенно удобной целью.

Право на иной взгляд включает и право говорить о мире. Не о поддержке чужой армии, не о передаче военной информации, не о призывах к насилию — такие действия могут быть предметом уголовного преследования. Речь о праве обсуждать прекращение огня, переговоры, обмен пленными, гуманитарные вопросы, последствия мобилизации, условия будущего мира. Власть не обязана принимать эти предложения, но не имеет права превращать сам факт их высказывания в доказательство нелояльности.

При Зеленском пространство для такой дискуссии крайне ограничено. Война используется как универсальный аргумент: не время для выборов,

не время для критики, не время для переговоров, не время для обсуждения ошибок. Но если для политического выбора никогда не наступает подходящее время, он исчезает. Гражданин остаётся объектом решений, а не их участником.

Украинское общество сегодня не располагает устойчивыми институтами, которые могли бы превратить локальное недовольство в политическую альтернативу. Отдельные митинги, Telegram-чаты, петиции и инициативные группы не заменяют партии, свободные выборы, независимые медиа, суды и защищённое право на объединение. Это не означает, что граждане не способны испытывать недовольство или пытаться защищать свои интересы. Это означает, что система Зеленского лишила их инфраструктуры, которая делает общественную активность действенной.

Поэтому кампания вокруг Фёдорова не является доказательством политического пробуждения. Это узкая внутривластная борьба, не затрагивающая основы режима. Но она наглядно показывает, что президентская вертикаль не терпит самостоятельности даже со стороны близких по взглядам групп. Если в такой системе не хватает места для сторонников одного из бывших министров, то для реальной оппозиции, мирной альтернативы и защиты непопулярных прав места почти не остаётся.

Право на политический выбор, право быть в оппозиции, право критиковать власть, требовать мира, защищать свой язык и создавать объединения не являются услугой, которую президентская администрация выдаёт лояльным гражданам. Это основа человеческого достоинства.

Пока Зеленский сохраняет режим бесконечно продлеваемых чрезвычайных ограничений, не возвращает обществу выборы, не допускает полноценной конкуренции и не обеспечивает безопасность мирного несогласия, украинские граждане остаются не участниками политики, а объектами управления.

Именно в этом состоит главный парадокс украинской политики при Зеленском. Власть продолжает говорить языком свободы и европейского выбора, но для собственного общества всё чаще оставляет лишь узкий коридор допустимого. Гражданину разре-

шается поддерживать официальную линию, участвовать в одобренных государством кампаниях, повторять лозунги о единстве и победе. Но право на сомнение, на требование переговоров, на критику кадровых решений, мобилизации или языковой политики воспринимается как отклонение от нормы, которое нужно изолировать, дискредитировать или нейтрализовать.

Так исчезает сама привычка к политическому спору. Люди привыкают не обсуждать решение власти, а угадывать, насколько опасно о нём говорить. Они не рассчитывают на выборы, не верят в способность партий выразить их интересы, не ждут от парламента самостоятельной позиции.

Остаётся частное недовольство — на кухне, в закрытом чате, в разговоре с близкими. Но частное недовольство не становится политической волей, пока у него нет права на публичное выражение, организацию и представительство.

В такой системе власть получает ещё одно преимущество: она может объявлять отсутствие массового протеста доказательством всеобщей поддержки. На деле молчание может быть следствием страха, усталости, мобилизационной уязвимости, отсутствия независимых медиа и убеждённости, что любое действие ничего не изменит. Когда человеку постоянно напоминают о возможности проверки и уголовного преследования, публичной травли или потери работы, он не обязательно меняет свои взгляды. Он просто перестаёт высказывать их вслух.

Выход из этого тупика не может состоять в очередной перестановке фигур внутри той же президентской вертикали. Смена одного министра, советника или главы ведомства не вернёт обществу утраченные механизмы политического участия. Для этого необходимы восстановление выборного процесса, прекращение практики политической маркировки инакомыслящих, гарантии свободы слова и объединений, независимый контроль над силовыми структурами и возможность открыто обсуждать будущее страны. Пока всего этого нет, разговоры о демократии на Украине остаются внешней декларацией, а право на иной взгляд — правом, которое существует лишь до тех пор, пока не становится неудобным для власти.

ВПЛ БЕЗ ВАУЧЕРА: КАК НЕ ПОТЕРЯТЬ ЖИЛИЩНУЮ ПОМОЩЬ И ОСПОРИТЬ ОТКАЗ

С 1 августа 2026 года условия жилищных ваучеров для отдельных категорий внутренне перемещённых лиц стали строже.

Жилищный ваучер — это не обычная ежемесячная выплата ВПЛ и не компенсация за аренду. Это отдельный механизм решения жилищного вопроса: электронный платёжный документ, который позволяет получить до 2 млн гривен государственной помощи на приобретение жилья, инвестицию в строительство, а в определённых случаях — на первый взнос или платёж по ипотеке.

Для семьи, оставшейся без дома, такая помощь может стать реальным шансом начать жизнь заново. Но именно поэтому заявление проверяют по реестрам, а отказ иногда приходится из-за сведений, о которых заявитель даже не знал: давней сделки с жильём, записи о регистрации, ошибки в данных родственника или незавершённой ипотечной программе. В такой ситуации нельзя соглашаться с устным ответом «вам не положе-

но». Нужно потребовать письменное решение, выяснить точную причину и проверить, действительно ли она касается вашей семьи.

КТО МОЖЕТ ПРЕТЕНДОВАТЬ

На первом этапе программа рассчитана на ограниченный круг людей. Право подать заявление имеют внутренне перемещённые лица, которые одновременно имеют статус ВПЛ, переместились с неподконтрольной Киеву территории, подтверждённой в справке ВПЛ, и обладают статусом участника боевых действий либо лица с инвалидностью вследствие войны. Важны также актуальная справка ВПЛ с фактическим адресом на неподконтрольной Украине территории и отсутствие другого жилья, которое могло бы решить жилищный вопрос семьи.

Ваучер предоставляется номиналом до 2 млн гривен. Его нельзя получить наличными, снять со счёта или потратить на произвольные нужды. Средства предназначены именно для решения жилищного вопроса: покупки

квартиры или дома, инвестирования в строительство, а в предусмотренных случаях — для участия в ипотечном финансировании. При этом программу нельзя использовать для покупки жилья у близких родственников: родителей, детей, супругов, родных братьев и сестёр, бабушки или дедушки и других лиц, определённых правилами программы. Жильё, купленное с использованием ваучера, нельзя продать или подарить в течение пяти лет.

На практике необходимо проверять не только самого заявителя. Существенны данные членов его семьи: мужа или жены, а также несовершеннолетних детей. Если у одного из них есть жильё на неподконтрольной территории, сведения о полученной жилищной помощи, о сделке с недвижимостью или об участии в ипотечной программе, это может повлиять на право всей семьи. Поэтому перед подачей заявления стоит заранее собрать и перепроверить документы каждого, а не надеяться, что система автоматически разберётся без ошибок.

Семья также не должна была ранее получить компенсацию или аналогичную жилищную поддержку по другим государственным программам и не должна иметь действующее заявление в «Відновленні», если оно препятствует участию в программе ваучеров. Для получения помощи нужно иметь нерешённый жилищный вопрос. Если человек уже обеспечен жильём государством как ВПЛ или имеет пригодную недвижимость на неподконтрольной территории, комиссия может прийти к выводу, что оснований для нового ваучера нет.

Есть и ограничения, связанные с безопасностью и правовым статусом заявителя. В программе не участвуют лица, к которым применены санкции, а также лица с судимостью за преступления против основ национальной безопасности, мира, безопасности человечества или международного правопорядка.

Продолжение. Начало на стр. 13

Эти условия следует отделять от бытовых долгов, семейных конфликтов, обычных административных штрафов или ошибок в реестрах: любой отказ должен опираться на конкретное основание, а не на общую фразу о «несоответствии требованиям».

КОМУ ОТКАЖУТ ПОСЛЕ 1 АВГУСТА

Первое новое основание для отказа — отчуждение жилой недвижимости после 24 февраля 2022 года и до дня подачи заявления. Речь идёт не только о продаже квартиры или дома. Право на помощь может быть утрачено, если заявитель или член его семьи подарил жильё, передал его по иной сделке или иным способом прекратил право собственности. Ограничение касается и того жилья, которое могло находиться не на неподконтрольной Киеву территории.

Логика государства состоит в том, что программа предназначена для людей, у которых жилищная проблема остаётся нерешённой и которые не распорядились собственным жильём после февраля 2022 года. Но семейные обстоятельства бывают сложнее формального правила. Недвижимость могли продать для лечения ребёнка, ремонта разрушенного дома, погашения долгов, переезда, помощи пожилым родителям или потому, что владельцу казалось невозможным сохранить имущество. Сам факт тяжёлой жизненной ситуации не означает автоматического исключения из проверки, поэтому особенно важно до подачи заявления выяснить, как именно сделка отражена в реестре и относится ли она к жилой недвижимости.

Второе основание — использование государственной помощи по ипотечным кредитам. Ваучер не предоставят, если заявитель или член семьи уже начал пользоваться или воспользовался льготной ипотекой с государственной поддержкой, в том числе по программам для ВПЛ или «ЄОселя». Ограничение может работать даже тогда, когда кредит уже закрыт: важен сам факт использования государственной жилищной поддержки.

Здесь опасно полагаться на бытовые формулировки. «Мы только подавались», «кредит оформлен не на меня», «ипотеку взяла жена», «взно-

сё не внесли», «договор потом расторгли» — каждая из этих ситуаций требует проверки документов. Следует установить, была ли заявка зарегистрирована, заключён ли кредитный договор, перечислялись ли средства, использовалась ли государственная компенсация процентов или первого взноса, кто являлся заёмщиком и входит ли этот человек в состав семьи для целей программы ваучеров. Неясность лучше выяснить до подачи заявления письменно, а не после отказа.

Третье основание касается регистрации или декларирования места проживания на временно оккупированной территории после её оккупации. Такое изменение данных может быть истолковано как обстоятельство, исключающее право на жилищный ваучер. Правило может затронуть людей, которые переоформляли документы по семейным обстоятельствам, пытались получить медицинскую помощь, оформляли ребёнка в учреждение или совершали другие действия в условиях оккупации. Но независимо от личной истории комиссия прежде всего увидит запись в реестре, поэтому заявителю важно знать, когда она была внесена, кем и на каком основании.

Кроме новых августовских ограничений, прежние базовые требования продолжают действовать. Отказ вероятен, если у заявителя или членов семьи есть иное жильё на подконтрольной Киеву территории, если ранее была получена компенсация за жильё по другим программам, если семья уже обеспечена жильём государством как ВПЛ или если одновременно подано заявление на компенсацию за уничтоженное жильё. Исключения могут касаться жилья в зоне активных боевых действий либо объекта, приобретённого в непогашенную ипотеку, но такие обстоятельства надо подтверждать документально.

Наконец, комиссия вправе отказать, если заявление подал человек без соответствующего права или полномочий либо если в заявлении обнаружены недостоверные сведения. Это означает, что нельзя «додумывать» данные в анкете, скрывать сделку с недвижимостью или надеяться, что запись в реестре не найдут. Ошибка в заявлении может быть исправлена, но сознательное предоставление неверных сведений создаст риск не только отказа, но и дальнейших юридических

проблем.

ЧТО ПРОВЕРИТЬ ДО ПОДАЧИ

Прежде всего убедитесь, что справка ВПЛ актуальна. В ней должны корректно отражаться статус, прежнее место проживания на неподконтрольной Киеву территории и фактический нынешний адрес проживания человека. Если изменились состав семьи, фамилия, паспортные данные или место фактического проживания, это лучше привести в порядок заранее. Несовпадение информации в разных реестрах часто становится причиной задержки или дополнительной проверки.

Затем проверьте сведения о недвижимости каждого члена семьи. Закажите информационные справки из Государственного реестра вещных прав на недвижимое имущество либо обратитесь за помощью в ЦНАП, к нотариусу или юристу. Отдельно нужно выяснить, были ли после 24 февраля 2022 года продажа, дарение, раздел имущества, наследование, отказ от доли, прекращение права собственности по судебному решению или иная сделка, которую реестр может показывать как отчуждение жилья.

Если сделка действительно была, не скрывайте её. Соберите договор, выписки из реестра, документы о причине отчуждения и подтверждения того, куда были направлены средства, если это имеет значение. Эти документы не отменяют ограничение автоматически, но помогут правильно изложить обстоятельства и защититься от ошибочного вывода. Например, комиссия может спутать продажу нежилого помещения с отчуждением жилого объекта или ошибочно связать человека с недвижимостью однофамильца.

Проверьте участие в ипотечных программах. Подготовьте кредитный договор, справку банка о статусе кредита, сведения о том, привлекалась ли государственная помощь, документы о прекращении договора, если ипотека не была реализована. Если член семьи лишь подавал заявку, но договор не заключался и средства не использовались, это нужно суметь подтвердить. Получите письменную справку у банка или органа, который администрировал программу: устное объяснение сотрудника не станет доказательством для комиссии.

Продолжение на стр. 15

Продолжение. Начало на стр.13,14

Отдельно нужно проверить регистрационные данные, особенно если после перехода родного населённого пункта в иную юрисдикцию вы меняли место регистрации или оформляли документы для детей. Сохраните старые и новые справки, паспортные данные, выписки из реестра территориальной громады, документы о фактическом проживании на подконтрольной Киеву территории. Если вы считаете, что запись внесена ошибочно, необходимо начинать её исправление до того, как она станет основанием для отказа.

Полезно подготовить электронную и бумажную папку. В неё стоит положить паспорт, идентификационный код, справку ВПЛ, документ об участии в боевых действиях или инвалидности вследствие войны, свидетельства о браке и рождении детей, выписки по недвижимости, документы по ипотеке, подтверждения отсутствия другой государственной жилищной поддержки, ответы органов власти и скриншоты поданных заявлений. Оригиналы не следует отдавать без необходимости; для подачи, как правило, готовят копии, а у себя сохраняют полный комплект.

ЕСЛИ ПРИШЁЛ ОТКАЗ

Никогда не останавливайтесь на фразе «в системе отказ». Потребуйте официальное письменное решение комиссии: с датой, номером, точным основанием отказа, перечнем использованных сведений и ссылкой на норму Порядка. Именно этот документ можно анализировать, обжаловать и использовать в суде. Устный ответ работника ЦНАП, органа соцзащиты, банка или местного совета не заменяет решения уполномоченной комиссии.

После получения решения определите, какая именно причина указана. Если речь идёт о наличии жилья, закажите реестровую справку и сравните её с тем, что написано в отказе. Если указано отчуждение недвижимости, проверьте объект, дату, вид сделки и того члена семьи, к которому она относится. При ссылке на ипотечную поддержку запросите документы у банка и администратора программы. Если причиной стала регистрация на неподконтрольной Киеву территории, получите выписку о регистрационных действиях и выясните, возможно ли

исправление ошибочных данных.

Следующий шаг — письменное заявление о пересмотре решения или жалоба в орган, которому подчиняется комиссия. К нему приложите копию отказа и документы, которые опровергают его основание. В тексте не нужно пересказывать всю историю семьи эмоционально. Лучше кратко описать ошибку: «В решении указано наличие жилого объекта по адресу... Между тем объект был уничтожен / расположен в зоне активных боевых действий / принадлежит другому лицу с совпадающими персональными данными / не относится к заявителю или члену семьи». После этого перечислите приложения и попросите отменить отказ, провести повторную проверку и выдать новое мотивированное решение.

Если орган не исправляет ошибку или подтверждает отказ без надлежащего объяснения, можно обращаться к адвокату, системе бесплатной правовой помощи, омбудсмену и в административный суд. В суде можно оспаривать решение как противоправное и требовать его отмены, а также повторного рассмотрения заявления с учётом всех обстоятельств. Суд не выдаёт ваучер вместо комиссии, но может обязать орган рассмотреть заявление законно, полно и без опоры на недостоверные данные. Особенно важно действовать быстро, если

проблема связана с реестрами. Пока ошибка не исправлена, она может повторно появляться при каждом новом обращении — за помощью ВПЛ, компенсацией, ипотекой, оформлением документов или социальными выплатами. Поэтому жалоба должна быть направлена не только против конкретного отказа, но и, если это необходимо, на исправление первоисточника неверных сведений.

Жилищный ваучер — серьёзная, но адресная помощь, а не универсальная программа для всех ВПЛ. На первом этапе она рассчитана на переселенцев с неподконтрольных Киеву территорий, имеющих статус УБД либо инвалидность вследствие войны, при условии, что их жилищный вопрос действительно не решён.

Новые правила с 1 августа усилили проверку имущественных сделок, ипотеки и регистрационных данных. Это означает, что семье стоит готовиться к подаче заявления так же внимательно, как к судебному делу: заранее проверить реестры, собрать подтверждения, не скрывать спорные обстоятельства и хранить копии всего, что передаётся государственным органам.

Если же отказ уже получен, требуйте его в письменной форме, выясняйте конкретное основание и защищайте свои права документами, а не устными разговорами.

Продолжение. Начало на стр. 2,3

Суд не заменяет собой врачей и, как правило, не устанавливает медицинский диагноз вместо ВВК. Но он может проверить законность процедуры, полноту рассмотрения документов, обоснованность решения, соблюдение компетенции и мотивированность постановления. Если комиссия не исследовала ключевые медицинские данные, не объяснила вывод или действовала с нарушением порядка, это может стать основанием для отмены решения и нового освидетельствования.

Адвокат нужен не только для составления иска. Он может присутствовать при подаче заявлений, требовать регистрации документов, направлять адвокатские запросы, фиксировать обстоятельства удержания, общаться с родственниками, готовить жалобы в прокуратуру и к омбудсмену при признаках незаконного ограничения свободы. Если человека уже доставили в ТЦК либо направляют в часть, близким стоит срочно передать защитнику копии всех медицинских документов, данные о времени и месте нахождения, контакты свидетелей, фото заключения ВВК и сведения об отсрочке, если она есть.

Родственникам полезно заранее создать отдельную папку — бумажную и электронную. В ней должны быть копии паспорта, военно-учётного документа, медицинских выписок, документов об инвалидности, справок о необходимости ухода за близкими, заключений врачей, рецептов на постоянные лекарства, результатов

обследований и контакт адвоката. В экстренной ситуации сбор документов по разным больницам и родственникам отнимает часы, которых может не быть.

Если состояние здоровья резко ухудшилось во время нахождения в ТЦК, на сборном пункте или в воинской части, необходимо требовать вызова скорой медицинской помощи и фиксации обращения. По возможности следует сообщить близким время, место и симптомы, попросить сделать запись в журнале обращений, получить или сфотографировать медицинскую справку. Нельзя соглашаться на устное обещание «потом разберёмся», если речь идёт о боли в груди, потере сознания, нарушении дыхания, последствиях травм, психическом кризисе или иных состояниях, требующих срочной помощи.

Решение ВВК можно и нужно оспаривать, но правовая защита не отменяет медицинской безопасности. Если человек страдает тяжёлым заболеванием, главная задача — не превратить юридическую процедуру в ожидание, опасное для жизни. В некоторых случаях необходимо сначала добиться экстренного лечения, госпитализации и документирования состояния, а затем использовать эти материалы для обжалования. Медицинские документы, оформленные в момент обострения, зачастую имеют особую доказательную ценность.

Важно помнить и о различии между диагнозом и последствиями болезни. Само название заболевания не всегда автоматически определяет

категорию годности: комиссия оценивает степень нарушения функций, частоту обострений, результаты обследований, потребность в лечении и фактическую способность человека выполнять обязанности. Поэтому в документах должны быть не только слова «гипертония», «межпозвоночная грыжа», «депрессия» или «последствия травмы», но и конкретные данные: показатели давления, результаты исследований, сведения о госпитализациях, ограничения движений, назначенная терапия, необходимость постоянного наблюдения, риски ухудшения. Чем точнее медицинская картина, тем сильнее юридическая позиция.

Публичные сообщения 2026 года о жалобах на работу ТЦК и ВВК показывают, что проблема не сводится к единичным конфликтам. Украинский омбудсмен в августе заявлял о случаях незаконного удержания военнообязанных с действующими отсрочками в Закарпатье, а суды отменяли отдельные решения ТЦК о незаконной мобилизации, штрафах и записях в реестре «Оберіг». Это не гарантирует положительного исхода каждому заявителю, но подтверждает принципиальное обстоятельство: решение военного органа можно проверять и оспаривать, а формальное заключение не стоит принимать как безусловный приговор.

Главная ошибка — ждать, что вопрос решится сам собой. Если комиссия не учла диагноз, действуйте в первые дни: получите копию постановления, соберите медицинские документы, письменно изложите нарушения, направьте жалобу в вышестоящую ВВК и подготовьте обращение в административный суд. Не оставайтесь один на один с системой, не передавайте оригиналы без необходимости и не принимайте устные отказы как окончательные.

почувствует малый бизнес. Однако в чем именно он будет выражаться и какие практические потери понесет экономика четко сформулировать не смогли. Пока что.

